

Сергей
Александрович
СПОЛОХ

Наша газета в течение длительного периода печатала на своих страницах главы из краеведческого романа нашего земляка, писателя Сергея Сполоха под названием «На Северском Донце». В ближайшее время эта книга будет распространяться среди жителей города Донецка Ростовской области.

Станица Гундоровская, на месте которой и возник наш город, имеет длительную историю, и в ней были разные страницы. Одной из самых драматичных стало восстание гундоровских казаков против советской власти весной 1918 года. Это привело к почти поголовному участию станичников в Гражданской войне и затем, после того как белые войска, на стороне которых они воевали, потерпели поражение, также в значительном количестве отправились из Крыма в эвакуацию, ставшую длительной эмиграцией. Созданный в мае 1918 года Донской Гундоровский георгиевский полк просуществовал до 1941 года. Во всех справочных изданиях сообщается о чёрной странице в его полковой истории, когда на собрании эмигрантов в июне 1941 года было принято обращение к донскому казачеству в поддержку вероломного нападения Гитлера на Советский Союз.

Оправдания этому нет и быть не может. Однако следует помнить, что этому позорному событию предшествовали два десятка лет тяжёлой жизни гундоровских казаков на чужбине, унижения и лишения, через которые они были вынуждены пройти в разных странах, от Болгарии и до Америки. Как раз об этом рассказывается в очередной исторической публикации нашего земляка, краеведа и писателя Сергея Сполоха.

Годы эмиграции – тяжкие годы

С мая 1921 года казаки Донского Гундоровского георгиевского полка находились на болгарской земле. Приняли их поначалу очень гостеприимно, но содержать бесплатно не стали и отправили зарабатывать пропитание себе на строительстве дорог, лесоповале, в шахтах и карьерах, на заводах и фабриках. Какая-то часть стала работать «надничарами», то есть подёнщиками в болгарских сёлах. Это было гундоровским казакам привычно, поскольку они все были земледельцами, только земли своей у них быть не могло, потому и батрачили, были наймитами. Они же содержали неспособных трудиться на чужбине.

Поскольку в списках Гундоровского полка было немало нетрудоспособных членов семей казаков, то остро стала ощущаться проблема иждивенцев.

29 августа 1922 года приказом по Гундоровскому полку было объявлено: «С 1 сентября 1922 года на пайковом довольствии остаются только женщины и дети. Пайёк исчисляется в размере 9 левов в сутки (так получалось не всегда). При зачислении на пайёк принять к сведению, что только потеря 100 процентов трудоспособности даёт право для зачисления на пайёк».

Заветное и очень важное в 20-е годы двадцатого века слово «пайёк» стало и в Болгарии предметом тяжб и разбирательств. Больше всего жалоб поступало по поводу того, что кто-то получал пайёк, не выходя на работу, хотя мог это делать, или кто-то получал больше по сравнению с другими. Ну, что поделаешь, зависть ни границ, ни временных рамок не имеет.

Но чтобы не вызывать никаких трений, все изменения по обеспечению пайками оформлялись распоряжениями генерала Гусельщикова. Переформировали сотни полка, и образовавшиеся лишние пайки были распределены 3 февраля 1922 года приказом № 30 по полку следующим образом:

«Четыре запасных пайка распределяются следующим образом:

– полковнику Ермолову – 216 левов,
– полковнику Абрамову как семейному – 360 левов,

– полковникам Рябову, Петрову и Мишустову – по 216 левов.

Женщинам и детям продоволь-

Офицеры-гундоровцы на учениях в Болгарии. 1922 год.

ственный пайёк с 1 апреля 1922 года установить в 200 левов».

Какими-то неведомыми и окольными путями в Болгарию пробирались жёны казаков. Радость воссоединения семей тут же скрепляли приказом по полку, в котором, например, писали: «Прибывшую из Советской России жену сотника третьей сотни Чаусову Марию Николаевну с 1 августа 1921 года зачислить согласно приказу командира корпуса в третью сотню».

О том, как семья Чаусовых пополнила личный состав Гундоровского полка, также отражено в приказе, но уже от 1 марта 1923 года: «Дочь сотника третьей сотни Чаусову Валентину, родившуюся 20 февраля 1923 года, зачислить на продовольственный пайёк с 21 февраля 1923 года».

Девочек, родившихся в первые годы эмиграции в Болгарии, стремились называть глубоко символично: Вера, Надежда, Любовь.

Не только жёны и родившиеся в эмиграции дети оказывались в списках сотен, но даже и тещи казаков удостаивались такой чести.

Так, в одном из полковых приказов указано: «...мать жены войскового старшины четвёртой сотни Самсонова – Никитина Мария Алексеевна приказом по Донскому корпусу зачислена в Донской Гундоровский георгиевский полк».

Но такое явление имело и свою про-

заическую сторону. В общем приказе по устройству жизни семей в Болгарии устанавливалось: «Имеют право на продовольственный пайёк только те семейства, которые состояли на учёте при перевозке частей с Лемноса в Болгарию. Прибывшие позже семейства продовольственного пайка не получают».

На первых порах болгарские чиновники относились к пребыванию казаков очень доброжелательно. Донцов приглашали на торжества, например, в дни празднования очередной даты освобождения Болгарии. У болгар даже была такая песня «Ботев и Левски – наши учителя, казаки донские, спасители».

Но находившееся у власти в Болгарии правительство председателя Земледельческого союза Александра Стамболийского, начиная с 1922 года, эти отношения резко ухудшило. Русская армия в Болгарии, и в первую очередь казаки, ощутила на себе открытые гонения. Местная администрация потребовала снятия русских вывесок и флагов с занимаемых Донским корпусом зданий и выдачи полиции того оружия, которое в незначительном количестве, в основном офицерам, было оставлено.

Незадолго до Генуэзской конференции 1922 года, на которой среди прочих вопросов рассматривалось и пребывание в европейских странах организованных воинских подразделений из России, болгарские власти предпри-

няли ряд действий, глубоко возмущивших россиян.

Как реакция на приближающиеся события появилось распоряжение генерала Врангеля от 20 апреля 1922 года:

«В связи с текущей Генуэзской конференцией усилить режим секретности. Воспрещается штемпелевание конвертов войсковыми печатями как гербовыми, так и для пакетов. Во всех случаях не называть штабов и наименований воинских частей, а указывать лишь чин и фамилию. Сургучными печатями пользоваться при отправлении почты с доверенными лицами. Как снаружи, так и внутри не иметь каких-либо вывесок и плакатов с надписями наименований частей».

Болгарские власти в первую очередь взяли за командиров. Один из фактов взаимоотношений с болгарскими чиновниками отражён в донесении того периода:

«26 мая 1922 года в 5 часов утра два агента полиции вызвали без личной охраны и указания причин командира Донского Гундоровского георгиевского полка генерал-лейтенанта Гусельщикова и полкового адъютанта генерал-майора Бородина. Агенты находились при них до 8 часов 45 минут. Названные были опрошены градоначальником. Градоначальник спрашивал, что именно делают люди полка? Сколько в полку офицеров? Каким образом можно было бы собрать полк, и не преследует ли полковой штаб военных целей? Опрашиваемые показали, что в Софии имеется штаб рабочего полка. Штаб этот регулирует работы и изыскивает новые. Офицеры находятся на работах и распределены в группы в различных местностях южной Болгарии. После допроса генералы были освобождены».

Если генерал-лейтенант Андриан Константинович Гусельщиков был, прежде всего, руководителем и организатором державных работ и глубоко скрываемой боевой подготовки личного состава полка в Болгарии, то его боевой соратник генерал-майор Иван Никитич Коноводов всё больше становился деятелем политического толка. Он ездил по сотням, встречался с казаками, поддерживал их боевой дух. По всем признакам занимался тем, что называется политико-просветительской и агитационной работой.

В качестве иллюстрации можно привести обращение генерала Коноводова, разосланное в сотни Донского Гундоровского полка в дни проведения Генуэзской конференции в мае 1922 года:

«Я уже писал, что нынешним годом мы вернёмся в свою страну. 6 мая 1922 года Генуэзская конференция ещё не закончилась. Сговор Европы с большевиками вредит великому казачьему делу. Если европейские державы своими уступками предотвратят войну в 1922 году, то они не устранят поводов к ней в следующих годах. Коммунистическая власть не может жить своими средствами и силами, и им нужен приток средств не от своего, а от чужого труда. Она вынуждена по своей природе насильем отбирать у других властей жизненные средства. Так было в России, так будет и в Европе. Война с 1914 года по настоящее время не прекращалась.

В России действуют три главные силы. Голод, уничтожающий русских людей миллионами, коммунистические власти и русская национальная сила, слагающаяся из духовенства, партизанщины и разрозненных действий отдельных патриотов, находящихся во всех тканях коммунистического организма. Кто же поможет русскому народу избавиться от ненавистной власти? Помогут эмигранты, то есть мы».

Такие высказанные пожелания и надежды не могли остаться незамеченными и не остались. Лето 1922 года стало периодом наиболее серьёзных гонений против казаков на земле Болгарии. Они могли быть арестованы, брошены в темницу при околийском начальстве, а то и просто высланы в соседнюю Сербию. А поскольку всё это отражалось в приказах по полку, то, например, в документе за номером 130 от 22 июня 1922 года можно прочитать:

«Арестованных и высланных в Сербию подхорунжего Усачёва и подхорунжих Ушакова Григория и Быкадорова Григория исключить с провиантского и приварочного довольствия».

В эмигрантской прессе стали появляться обращения к таким же братьям по несчастью: «...на этой земле нас гонят, бьют, а порой и убивают наших людей». Это было вовсе не преувеличение. В приказе по строевой части полка от 5 мая 1922 года говорится: «...найденного убитым в селе Ксимперцы младшего урядника Ковалевского Александра исключить из списков полка и всех видов довольствия с 1 мая с. г.».

7 сентября 1922 года командир Донского корпуса генерал Абрамов под давлением болгарских властей дал команду снять погоню, но повсюду в местах компактного проживания донцов оставил право ношения казачьей национальной одежды.

8 сентября 1922 года в Пернике в 5-й сотне Донского Гундоровского георгиевского полка были произведены обыски. В том же сентябре 1922 года в Сербию было выслано командование Донского корпуса.

Уезжая в Сербию, командир Донского корпуса генерал-лейтенант Абрамов издал приказ от 20 сентября 1922 года, в котором совсем не на формальном военно-бюрократическом языке, а простыми и понятными каждому казачьими словами призывал:

«Наша сила – в нашем духе и в нашей организации. Духа этого никто не сломит...»

Тем сильна наша организация, что она предусматривает выбытие начальников, как в бою. Убит командира полка, и занимает его командное место подполковник или даже капитан. В русской армии бывали примеры, когда даже унтер-офицеры командовали остатками полка и сдерживали противника. Мы хотим честным трудом зарабатывать себе кусок хлеба.

И всё-таки мы должны оставаться единой воинской организацией, чтобы дожить до той минуты, когда вступим на родную землю не как «члены организации возвращения на Родину», не под покровительством большевистских агентов, а с гордо поднятой головой...».

Генерал Абрамов просил оставшихся начальников принять все меры к тому, чтобы накопить средства перед зимней безработицей и не допустить голодовки. Также он обратился с просьбой не допустить сильного распыления частей и подтвердил:

Кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы в г. Варна, Болгария.

Улочка в болгарском селе.

«...линия нашего поведения по отношению к болгарам и общественной политической жизни в царстве остается прежней. То есть все члены корпуса должны работать и не вмешиваться во внутренние дела Болгарии, дабы переждать время до более спокойных дней».

Спокойных дней казаки так и не дождались. В ночь на 20 сентября 1922 года болгарские коммунисты сделали попытку свергнуть правительство Цанкова, сменившего полубольшевистское правительство Стамболийского. Попытка переворота не удалась, но положение гундоровцев ещё более осложнилось.

В сентябре-октябре 1922 года болгарское правительство приняло ряд мер к тому, чтобы части Донского корпуса максимально потеряли признаки воинской организации. Имелись в виду знамёна, наименования частей, вывески на штабах. Были сданы даже те небольшие остатки холодного оружия, которые до той поры были на руках офицеров казачьих полков.

В ответ на эти действия генерал Пётр Николаевич Врангель обратился к эмигрантам, находившимся в Болгарии:

«Мы снова стали свидетелями великого предательства. Освобождённый русской кровью народ (имеются в виду болгары) предаёт бежавших от кровавого ига, доверившихся ему русских людей. Сыновей тех, кто пролил кровь за освобождение болгарского народа, гонят, бьют, убивают, склоняют к измене. Оставленные всем миром, безоружные и нищие, мы можем ответить только нашим терпением и презрением. Но, преодолев время страданий, мы не опустим родное знамя и, тайно храня его, донесём до родной земли. Мы не перестанем быть сыновьями русской армии. Воскреснет Русь, и тогда она откроет объятия тем, кто принесёт ей в жертву здоровье и жизнь. И пусть тогда рабочие лепестуют они, презренные предатели, перед нами».

Период с марта по сентябрь 1922 года – это время, когда очень многие казаки решили вернуться на Родину. Этому способствовали и весьма тяжёлая беспросветная жизнь, каторжная работа на чужой земле, и довольно умелая пропаганда засланных из России агентов, имевших целью разложение казачьих масс.

17 марта 1922 года начальник

бывших воинов русской армии к возвращению в Россию.

Командование казачьих частей, как могло, так и противодействовало этому. В частности, в приказе генерала Гусельщикова от 2 июня 1922 года можно прочитать:

«Комкор приказал, что в случае появления в казармах полка казака Вёшенской станицы Кудинова, бывшего красноармейца, прибывшего на днях в Болгарию для коммунистической агитации среди воинских чинов, такого арестовать и из помещений полка немедленно удалить».

И всё-таки возвращение на Родину, на Дон, стало массовым явлением среди военной эмиграции. Не помогли ни угрозы, ни многочисленные примеры репрессий со стороны органов советской власти в отношении вернувшихся. Народ, как говорится в таких случаях, валил валом. В штабе Гундоровского полка скрупулёзно вели статистику отъезжающих в Советскую Россию: 21 августа 1922 года уехали 19 человек, 5 сентября – 17 человек, 22 сентября – 12 человек. Поредевшие сотни снова пришлось переформировывать.

В приказе по полку каждый раз писалось: «Уехавших в Советскую Россию младших чинов полка исключить из списков полка и всех видов довольствия».

Вот фамилии покинувших стан белой эмиграции. Они не раз встречались на страницах более ранних публикаций по истории Гундоровского полка:

*«...старший урядник Бородин Иван Яковлевич,
подхорунжий Бородин Павел Герасимович,
подхорунжий Диков Константин Тимофеевич,
фельдшер Колычев Никита Евграфович,
сотник Королёв Мирон Прокофьевич,
подхорунжий Рытиков Иван Николаевич,
подхорунжий Ситников Илья Яковлевич,
подхорунжий Усачёв Ефим Иванович,
подхорунжий Усачёв Яков Николаевич,
подхорунжий Усачёв Григорий Яковлевич,
подбесаул Чеботарёв Андрей Григорьевич».*

Все перечисленные казаки вернулись через Новороссийск в Россию, в свои станицы на Дону и Северском Донце. Офицеры остались на проверку в Новочеркасске и в станице Каменской. Нижних чинов распустили по домам. Гораздо позднее их настигли волны жестоких репрессий и до начала Великой Отечественной войны почти никто из них не дождался.

Сергей Сполох,
член Союза писателей России
Примечание:
Все иллюстрации,
использованные в настоящей
статье, взяты из архива автора
и общедоступных источников.

штаба Донского корпуса приказал: «В последнее время замечено, что в некоторых гарнизонах специальные агенты большевиков и некоторые большевистски настроенные беженцы ведут коммунистическую пропаганду в частях и советуют распылять части, ругая русскую армию и её начальников, желая тем самым подорвать её авторитет. Комкор приказал не допускать таких агитаторов в части и немедленно их арестовывать».

26 апреля 1922 года в Болгарии был зарегистрирован «Союз возвращения на Родину». Сокращенно его называли «Совнарод». Его представители разъезжали по Болгарии и склоняли